

Содержание

К юбилею Владимира Владимировича Сидорова

<i>Лопатина О. А., Забигаило Н. В.</i> Археология Каширского края в исследованиях В. В. Сидорова	9
<i>Кашина Е. А., Емельянов А. В.</i> Костяные подвески и нашивки в виде птиц в финале каменного века лесной зоны Центральной России	15
<i>Уткин А. В., Костылёва Е. Л.</i> Янтарные кольца из нео-энеолитических захоронений лесной зоны европейской части России: типология и хронология	27
<i>Лычагина Е. Л.</i> Хозяйственные занятия населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита	33
<i>Смольянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С., Желудков А. С.</i> Керамические материалы льяловской культуры с поселения Доброе 9 на Верхнем Дону	39
<i>Холкина М. А., Гусенцова Т. М., Герасимов Д. В.</i> Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике Северо-Запада	49
<i>Исланова И. В.</i> О прогнозировании местоположения памятников определенного культурного типа (по материалам раннесредневековых поселений)	61

Древности эпохи раннего железного века и древнерусского времени

<i>Сидоров В. В.</i> Торфяниковые стоянки	68
<i>Тавлинцева Е. Ю., Коваль В. Ю., Гольева А. А.</i> Древнейшая постройка раннего железного века на городище Ростиславль	76
<i>Миненко В. В., Разумов И. Н., Сироштан И. И.</i> Неготино-8 («Красный городок») – городище раннего железного века на верхней Десне	93
<i>Сыроватко А. С., Свиркина Н. Г., Гусева В. П.</i> Грунтовые кремации могильника Кременье: исследования 2018 года	108
<i>Яковчик М. С., Энговатова А. В., Орфинская О. В., Чернова О. Ф.</i> Вязаная рукавица из раскопок в Ярославле	116
<i>Зоц Е. П.</i> Древнерусский погребальный костюм по материалам раскопок курганного могильника XI–XII веков Шейка I в Истринском районе Московской области	130
<i>Завьялов В. И., Энговатова А. В.</i> Палаш из Ярославля	149
<i>Коваль В. Ю.</i> О некоторых диагностирующих прослойках в заполнениях котлованов построек	155

Археология удельного и московского периодов

<i>Гоняный М. И., Сарачева Т. Г.</i> «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца»: средневековые изделия из легкоплавких сплавов с территории Устьянского археологического комплекса на Куликовом поле	162
<i>Алексеев А. В., Кузьменко С. В.</i> О среднерусских каменных крестах-кенотафах XVI–XVII веков	202

<i>Быков А.Ю.</i> К вопросу о принадлежности надгробных плит и крестов из бывшей деревни Кузмадемьянка Мышкинского района	208
<i>Чернов С.З.</i> «Душеное с деревнями и с бортью»: феномен парных селищ по данным раскопок Верхних и Нижних Кукарок в 2009–2011 годах	219
<i>Лубкова Т.Н., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г., Хабибуллина Ю.Н.</i> Исследование химического состава металлического оклада иконы из собора Покрова на Красной площади	263
<i>Иванов Д.А.</i> Результаты радиоуглеродного датирования двух челнов-однодревок из Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника	280
<i>Пронин Г.Н., Суханов Е.В.</i> Керамический комплекс из раскопок селища Микулино 7 (опыт применения геометрической морфометрии к анализу фрагментированного материала)	287
<i>Жилина Н.В.</i> Пуговицы в костюме Московской Руси XVII – начала XVIII века	297
<i>Лазарев А.С., Осипов Д.О.</i> Коллекция обувных деталей и других кожаных изделий из раскопок Торговых рядов в Костроме в 2017–2018 годах	312

Археология Нового времени

<i>Лихтер Ю.А.</i> Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989–2015). Открытые формы	322
<i>Сатурин А.А.</i> «Турецкие» курительные трубки из собрания Костромского музея-заповедника	351
<i>Полюлях А.А., Беркович В.А.</i> Чайник завода Гребенщиковых из археологических наблюдений в Большом Головине переулке в Москве в 1998 году	368
<i>Федорова Л.И., Ткаченко В.А., Федоров В.В.</i> Морфологические особенности глиняной игрушки-лошадки в контексте эволюции технологических приемов изготовления традиционной калужской керамики	381
<i>Кочкина А.Ф., Цибин В.А.</i> Парфюмерные флаконы из погребений Всесвятского кладбища середины XIX – первой четверти XX века в Самаре	388

Средневековая городская фортификация

<i>Коваль В.Ю.</i> Методика изучения валов древнерусских городов и попытки реконструкции древних оборонительных сооружений в натуре	401
<i>Носов К.С., Медведь А.Н.</i> Две крепости Петрока Малого: Себеж и Пронск, 1535 год. Факты и предположения	415
<i>Малыгин П.Д., Богданов С.В.</i> Датировка археологизированных средневековых оборонительных сооружений: проблемы и решения (на примере Тверского кремля)	425
<i>Хохлов А.Н., Иванова А.Б.</i> О датировке тьмацкой линии укреплений Тверского кремля	431
<i>Табунова Н.В.</i> Дмитровский кремль на планах города	440
<i>Денисов С.А.</i> Оборонительные сооружения Альгштадта в XIII–XIV веках (по данным письменных источников)	455
Список сокращений	460

Contents

On the anniversary of Vladimir Vladimirovich Sidorov

<i>Lopatina O. A., Zabigailo N. V.</i> Archeology of the Kashira region in the research of V. V. Sidorov	9
<i>Kashina E. A., Emelyanov A. V.</i> Bone pendants and stripes in the form of birds in the Stone Age Finale in the Forest zone of Central Russia	15
<i>Utkin A. V., Kostyleva E. L.</i> Amber rings from Neo-Aeneolithic graves of the forest zone of the European part of Russia: typology and chronology	27
<i>Lychagina E. L.</i> Household occupations of the Upper and Middle Prikamye during the Neolithic	33
<i>Smolyaninov R. V., Kulichkov A. A., Yurkina E. S., Zheludkov A. S.</i> Ceramic materials of Lyalovsky culture with site Dobroye 9 on the Upper Don	39
<i>Kholkina M. A., Gusentsova T. M., Gerasimov D. V.</i> Phoenix feather: on the special significance of the inclusion of asbestos in ceramics of the North-West	49
<i>Islanova I. V.</i> On predicting the location of sites of a certain cultural type (based on materials from early medieval settlements)	61

Early Iron Age and Old Rus

<i>Sidorov V. V.</i> Turfen archaeological sites	68
<i>Tavlintseva E. Yu., Koval V. Yu., Golieva A. A.</i> The Oldest Early Iron Age dwelling of Rostislavl hillfort	76
<i>Minenko V. V., Razumov I. N., Siroshstan I. I.</i> The Negotino-8 (“Krasny Gorodok”) hillfort of the Early Iron Age on the Upper Desna River	93
<i>Syrovatko A. S., Svirkina N. G., Guseva V. P.</i> Soil cremations of the Kremenyé cemetery: 2018 studies	108
<i>Yakovchik M. S., Engovatova A. V., Orfinskaya O. V., Chernova O. F.</i> Knitted mitten from excavations in Yaroslavl	116
<i>Zots E. P.</i> Old Russian burial suit based on excavations of the burial mound of the 11 th – the 12 th centuries Sheika I in the Istra district of the Moscow region	130
<i>Zavyalov V. I., Engovatova A. V.</i> Broadsword from Yaroslavl	149
<i>Koval V. Yu.</i> Some diagnosing interlayers in the filling of pits buildings	155

Archaeology of the Period of Feudal Principalities and Muscovy

<i>Gonyanyi M. I., Saracheva T. G.</i> “Whether the rich man – gold, or the poor man – tin, with each and his own lies delight therein”: medieval fusible alloys from the territory of Ustye archeological complex on the Kulikovo field	162
<i>Alekseev A. V., Kuzmenko S. V.</i> About the Central Russian stone crosses-cenotaphs of the 16 th – 17 th centuries	202

<i>Bykov A. Y.</i> To the question of belonging of tombstones and crosses from the former village Kuzmademyanka in Myshkinsky district	208
<i>Chernov S. Z.</i> “Dushenoe with hamlets and with apiculture”: the phenomenon of doubles sites according to the excavations of the Upper and Lower Kukarki in 2009–2011	219
<i>Lubkova T. N., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., Khabibullina Y. N.</i> A study of chemical composition of an icon frame from the Protecting Veil Cathedral on the Red Square	263
<i>Ivanov D. A.</i> The results of radiocarbon dating of two shuttle-odnoderevki from the Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve	280
<i>Pronin G. N., Sukhanov E. V.</i> Ceramic complex from the excavation of the rural settlement Mikulino 7 (the experience of applying geometric morphometry to the analysis of fragmented material)	287
<i>Zhilina N. V.</i> Buttons in a suit of Muscovy in 17 th – early 18 th centuries	297
<i>Lazarev A. S., Osipov D. O.</i> Collection of shoe parts and other leather products from the excavations of Torgovyye ryady in Kostroma in 2017–2018	312

Archeology of the Modern Times

<i>Lighter Yu. A.</i> Vessels from the excavations of the archaeological service of Moscow (1989–2015): open forms	322
<i>Saturin A. A.</i> “Turkish” smoking pipes from the collection of the Kostroma Museum-Reserve	351
<i>Polulah A. A., Berkovich V. A.</i> Grebenshchikov factory teapot from the archaeological observations in Bolshoy Golovin Lane in Moscow in 1998	368
<i>Fedorova L. I., Tkachenko V. A., Fedorov V. V.</i> Morphological features of a clay toy-horse in the context of the evolution of technological methods for the manufacture of traditional Kaluga ceramics	381
<i>Kochkina A. F., Tsibin V. A.</i> Perfume bottles from the graves of the cemetery at the All Saints Church in the middle of the 19 th – first quarter of the 20 th century in Samara	388

Medieval city fortification

<i>Koval V. Yu.</i> Methods of studying the earthen walls of medieval Russian towns and attempts to reconstruct old defensive structures in kind	401
<i>Nosov K. S., Medved' A. N.</i> Two fortresses by Petrok Maloy: Sebezhd and Pronsk, 1535. Facts and assumptions	415
<i>Malygin P. D., Bogdanov S. V.</i> Dating of archaeological medieval defensive structures: problems and solutions (on the example of the Tver Kremlin)	425
<i>Khokhlov A. N., Ivanova A. B.</i> About the dating of the Tmatskaya line of fortifications of the Tver Kremlin	431
<i>Tabunova N. V.</i> Dmitrov Kremlin on town plans	440
<i>Denisov S. A.</i> Fortifications in Altstadt in 13 th –14 th centuries (according to written sources)	455
List of abbreviations	460

К юбилею Владимира Владимировича Сидорова

О. А. Лопатина*, Н. В. Забигаило**

* *Институт археологии РАН, Москва*

** *Каширский краеведческий музей, г. Кашира Московской обл.*

Археология Каширского края в исследованиях В. В. Сидорова

Каширская страница в научной биографии В. В. Сидорова во многом связана с исследованиями городищ раннего железного века: Мутёнковского, Старшего Каширского и Корыстовского. Раскопки этих памятников наверняка запомнились многим принимавшим участие в экспедиции, и сотрудникам Каширского краеведческого музея, и школьникам города Кашира, и членам обнинского археологического клуба АРКОС под руководством В. А. Тарасова, и волонтерам – постоянным членам экспедиций Владимира Владимировича. Без их посильного и заинтересованного участия экспедиция бы не состоялась. Особую роль в этом сыграла личность Владимира Владимировича, который своим энтузиазмом, знаниями, оригинальными суждениями мог заинтересовать окружающих.

Систематические археологические исследования в Каширском районе проводились В. В. Сидоровым с конца 1980-х гг. Их начало связано с охранными работами в зоне строительства автомагистрали М-4 «Дон», выполняемыми Подмосковной экспедицией ИА РАН, руководителем которой до 1994 г. являлся Владимир Владимирович (Энговатова, Сидоров, 2004). Полевые исследования затронули самые разные памятники от палеолита до Средневековья.

Одним из объектов исследований стала группа памятников археологии в районе с. Колтово (Колтово 1–10), связанных в основном с летописным городом Колтеском, разрушенным дорожным строительством еще в 1960-е (Розенфельдт, 1960). Полевые исследования колтовской группы затронули частично сохранившийся посад города и прилегающие к нему поселения (Сидоров, 1989; 1991; 1993; 1995; Трусов, 1990; Сидоров, Энговатова, 1992; Зубарев,

1993; 1995). Наиболее значимым среди колтовской группы оказался многослойный памятник Колтово 7, к исследованию которого экспедиция возвращалась в разные годы в течение почти десяти лет. Здесь выявлены многочисленные подпечные ямы и погребка древнерусского поселения времени существования города Колтеска, раскопаны также остатки жилища эпохи финальной бронзы и стоянка-мастерская финального палеолита – мезолита (Трусов, 1990; Сидоров, Энговатова, 1992; Сидоров, 1993; 1995; 2001). Помимо селищ древнерусского времени среди колтовской группы памятников выявлены местонахождения эпохи мезолита (Колтово 3 и 10), отмечены материалы раннего железного века, предположительно дьяковской культуры (Колтово 2, 8, 9). Результаты исследований этого памятника отражены в публикациях (Сидоров, Шарова, 1996; Сидоров, 2006а; 2006б; 2006в; Трусов, 2011. С. 233–235).

Другим значимым памятником, исследовавшимся Подмосковной экспедицией, стала стоянка эпохи финального палеолита – раннего мезолита Умрышенка 3, открытая А. В. Трусовым на ручье Завальском (Трусов, 1990; 2011. С. 235–238). В дальнейшем раскопки памятника вели В. В. Сидоров и А. В. Энговатова (Сидоров, Энговатова, 1991; 1992; Сидоров, 1993). В конце 1980-х – начале 1990-х на территории Каширского района выявлены другие памятники эпохи палеолита – мезолита – Малеево, Пятница 1а, 1б (Трусов, 1990), Корыстово 5 (Сидоров, 1991). Проводились обследования селищ железного века – Лиды (Сидоров, 1989), Корыстово 4 (Сидоров, 1991).

В 1997 г. по инициативе Каширского краеведческого музея и К. А. Смирнова¹ В. В. Сидоров возобновил раскопки на Старшем Каширском городище

¹ Кирилл Алексеевич Смирнов (1931–2001) – доктор исторических наук, ученый секретарь ИА РАН, известный исследователь дьяковской культуры.

Рис. 1. Находки с Мутёнковского городища (Каширский краеведческий музей)
1, 2 – роговые рукояти; 3–5 – грузики дьякова типа; 6 – роговой псалий

(Сидоров, Смирнов, 1999; Сидоров, 2001), которое исследовал В. А. Городцов в 1925–1926 гг. Работы на памятнике начались благодаря финансовой поддержке, организованной Каширским краеведческим музеем и его директором Н. В. Забигаило.

Важные культурно-хронологические построения В. А. Городцова (1933), ставшие реперными в дальнейших исследованиях дьяковских памятников, тем не менее оставляли ряд нерешенных вопросов, в частности, о характере сооружений (землянки и жертвенники), правильности соотнесения со скифскими прототипами так называемых однокрылых стрел каширского типа и т. д. (Смирнов, 1991. С. 104–105).

В ходе работ на Старшем Каширском городище Владимир Владимирович дал оценку современного состояния памятника, выявил его топографические особенности, схематичные чертежи В. А. Городцова были сопоставлены с реальным объектом. Исследования убедительно показали отсутствие следов так называемых землянок, определенных В. А. Городцовым как основной тип жилищ населения дьяковских городищ. Таким образом, вопрос о «круглых землянках» был снят.

Новые раскопки на Старшем Каширском городище дали представление о массовом керамическом материале, дефицит которого остро ощущался ранее при историко-культурных реконструкциях, связанных с этим памятником. Характер находок, в частности невысокий процент текстильной керамики, малое количество грузиков дьякова типа, дал основание К. А. Смирнову и В. В. Сидорову сделать предположение о существовании особого окского варианта дьяковской культуры (Сидоров, Смирнов, 1999. С. 165). В числе значимых находок этих раскопок – зооморфная роговая руко-

ять с головой животного, пополнившая коллекцию изделий в зверином стиле с дьяковских городищ. Изображение сочетает в себе черты медведя и лося и является местным подражанием скифскому звериному стилю (Сидоров, Смирнов, 1999).

Работы на памятнике продолжались два сезона: в 1997 и 2001 гг. (Сидоров, Смирнов, 1999; Сидоров, 2001). Основные результаты работ на Старшем Каширском городище изложены в статьях (Лопатина, Сидоров, 2003а; 2003б).

В 2002 году В. В. Сидоров приступил к раскопкам Мутёнковского городища (рис. 1). Ранее, в 1975 и 1978 гг., памятник исследовал К. А. Смирнов (1980). В 1980-е городище сильно повредили при строительстве прудов, сопровождавшемся сооружением плотин на реках Мутёнке и Медведке. Обширные разрушения на памятнике, выявленные В. В. Сидоровым в 1987 г., связаны с рекультивацией глиняных склонов прудов, куда с помощью техники вывозился культурный слой. Считалось, что существенная часть городища утрачена. Однако в ходе исследований в 2002–2005 гг. (Сидоров, 2002а; 2006г; Сидоров, Лопатина, 2003; 2004; 2005) оказалось, что, несмотря на разрушения, значительная часть культурного слоя все же осталась неповрежденной. В ходе раскопок выявлены интересные объекты – остатки наземных построек с очагами, в том числе с обожженными глиняными бортиками, хозяйственные ямы, среди которых яма с очагом внутри, комплексы, связанные с бронзолитейным производством, и др. (Сидоров, 2004). Владимир Владимирович выявил существенные конструктивные особенности жилых построек, ранее не отмечавшиеся: валики уплотненной глины в основаниях стен, а также ступенеобразные конструкции внутри жилых помещений. В ходе раскопок

Рис. 2. В. В. Сидоров на раскопках Мутёнковского городища в 2005 г.

получена богатая коллекция находок, в том числе костяных изделий (рис. 2). О них В. В. Сидоров высказал интересные наблюдения как в отношении использования, так и приемов обработки кости. Вместе с Владимиром Владимировичем и под его руководством подготовлены студенческие работы: одна о стрелах Мутёнковского городища (*Оксенюк Ан.*, 2006), другая посвящена реконструкции его жилищ ((*Оксенюк Ал.*, 2006).

Исследования Владимира Владимировича материалов каширских городищ (и не только их) отличается, с одной стороны, особое внимание к деталям, а с другой, – широкие этнокультурные обобщения. Уже первые результаты раскопок на Мутёнковском городище позволили ему выдвинуть предположение об особой каширской культуре, существовавшей в правобережье Оки от устья Протвы до Осетра и в калужской части ее бассейна (*Сидоров*, 2006д; 2006е). Один из основных признаков этой культуры – гладкостенная керамика со штриховкой и крупнозубым гребенчатым орнаментом. По мнению Владимира Владимировича, в сетча-

той керамике лесной зоны эпохи бронзы, непосредственно предшествовавшей дьяковской, отсутствует прототип такого орнамента. Происхождение каширской культуры В. В. Сидоров склонен связывать со срубной культурой воронежской группы, керамика которой имеет сходство с архаичными формами каширской. Исчезновение культуры – с уходом населения вглубь дьяковской территории (*Сидоров*, 2006д. С. 143). Гипотеза Владимира Владимировича о каширской культуре далеко не бесспорна. Трудно согласиться с мнением о ее своеобразии, так как сходство каширских и верхнеокских древностей достаточно очевидно. Вызывает вопрос и утверждение о существовании резких отличий, в частности этнических, между населением каширской и дьяковской культур. Тем не менее предположение Владимира Владимировича не лишено оснований и является серьезным стимулом для дальнейших размышлений о культурных взаимодействиях в начале железного века.

Корыстовское городище В. В. Сидоров раскапывал в 2004 г. по следам обширных грабительских

разрушений. Небольшой по площади раскоп дал интереснейший материал разных хронологических эпох: сгоревшая постройка раннего железного века, отделенная слоем делювия от вышележащих напластований, материалы мощинской культуры и позднего Средневековья (Сидоров, 2005).

Результаты раскопок в Каширском районе послужили Владимиру Владимировичу источником для статей обобщающего характера. Помимо упомянутых выше им подготовлен ряд публикаций, отличающихся широким исследовательским диапазоном от палеолита до Средневековья, стремлением к крупномасштабным реконструкциям древней этнической истории, вниманием к методическим аспектам раскопок городищ (Сидоров, 2002б; 2006ж; 2011; 2012). Материалы каширских городищ раннего железного века нашли отражение также в работах О. А. Лопатиной о керамике этих памятников (Лопатина, 2019) и И. А. Сапрыкиной о бронзолитейном комплексе Мутёнковского городища (Сапрыкина, 2005).

Благодаря полевым исследованиям В. В. Сидорова в составе Подмосковной экспедиции ИА РАН и экспедиции Каширского музея археологическая экспозиция Каширского краеведческого музея практически полностью обновилась. В ее создании принимал непосредственное участие и сам Владимир Владимирович. Фонды музея пополнились более чем на 5000 единиц хранения. Сегодня Каширский краеведческий музей располагает археологическими коллекциями, составленными в основном из материалов этих работ. В разделе «Археология» в экспозиции музея нашли свое место находки со следующих памятников:

- Умрышенка 3 – стоянка финального палеолита – мезолита. Коллекция каменных орудий, нуклеусов, пластин, минеральной краски, отщепов;
- Малеево – местонахождение финального палеолита – мезолита. Орудия и пластины, отщепы;
- Колтово 7 – стоянка-мастерская финального палеолита – мезолита. Орудия, нуклеусы, пластины, отщепы;
- Корыстово 6 – стоянка-мастерская (нуклеусы, отщепы);

– Колтово 7б – поселение эпохи бронзы. Керамика, кремневые орудия, нуклеусы, отщепы;

– Корыстово 4 – поселение, культурная принадлежность которого дискуссионна. Высказывались мнения, что целый реставрированный сосуд относится к позднелужицкому времени (Сидоров, 1991. С. 6, 7) или бронзовому веку (Сидоров, 2002. С. 29);

– Старшее Каширское – городище раннего железного века. Индивидуальные находки из кости, бронзы, железа, глины, керамики и фаунистические останки;

– Мутёнковское – городище раннего железного века, раскопки 1975, 1978 и 2002–2005 гг. Индивидуальные находки, реставрированные сосуды, керамика;

– Корыстово – городище, ранний железный век, Средневековье. Раскопки 2004 г. Индивидуальные находки, реставрированный сосуд, керамика;

– Колтовская группа памятников, связанных с летописным городом Колтеском (селища Колтово 2, 3, 4, 7). Индивидуальные находки, реставрированные сосуды, керамика, отщепы;

– Лиды 2 – селище раннего железного века, сборы 1988 г. Индивидуальные находки, отщепы, керамика.

Общее количество материалов из 13 перечисленных археологических коллекций включает около 3380 индивидуальных находок основного фонда, 23 реставрированных сосуда, около 2300 единиц керамики основного фонда, из которых значительная серия сосудов Старшего Каширского и Мутёнковского городищ может быть полностью реставрирована. Массовый материал (изделия из кремня и керамика) научно-вспомогательного фонда – около 18000. Фаунистические останки – около 20000. В целом полевые исследования Владимира Владимировича дали обширный корпус материалов, потенциал которых еще далеко не исчерпан.

Пройдя замечательный юбилей, Владимир Владимирович остается полным сил и энергии, ему по-прежнему свойственны увлеченность, щедрость на идеи и преданность профессии. Хочется пожелать ему сохранить эти замечательные качества еще на многие годы!

Литература

Городцов В. А., 1933. Старшее Каширское городище (Результаты археологических исследований в 1925–26 гг.) // Изв. ГАИМК. Вып. 85. М.–Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 106 с.

Зубарев Н. В., 1993. Отчет об археологических исследованиях в Каширском р-не Московской

обл. близ с. Колтово в 1993 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 18543.

Зубарев Н. В., 1995. Отчет о проведении археологических исследований в Московской области на территории Каширского и Ступинского р-нов в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 19140.

- Лопатина О. А.*, 2019. Керамика москворецких и окских памятников дьяковской культуры как исторический источник. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН.
- Лопатина О. А., Сидоров В. В.*, 2003а. Старшее Каширское городище и каширская группа памятников // Археология Восточноевропейской лесостепи. Всероссийская науч. конф., посвященная 100-летию со дня рождения видного российского археолога А. Е. Алиховой. Пенза: ПОКМ. С. 274–276.
- Лопатина О. А., Сидоров В. В.*, 2003б. Каширские городища раннего железного века // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. Ч. II. М.: ГИМ. С. 49–52.
- Оксенюк Анатолий А.*, 2006. Наконечники стрел. Мутёнковское городище // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 53–60.
- Оксенюк Александра А.*, 2006. Реконструкция жилищ Мутёнковского городища VII–III вв. до н. э. // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 46–52.
- Розенфельд Р. Л.*, 1960. Отчет об обследовании археологических памятников на территории Московской области для выяснения их сохранности 1960 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 2042.
- Сапрыкина И. А.*, 2005. Литейные формы из раскопок Мутёнковского городища // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ. С. 204–210.
- Сидоров В. В.*, 1989. Отчет Подмосковной экспедиции Лужковско-Ловецкий отряд в сезоне 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15433.
- Сидоров В. В.*, 1991. Отчет о работах I отряда Подмосковной экспедиции в Московской области в 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15568.
- Сидоров В. В.*, 1993. Отчет о раскопках в Каширском и Серпуховском р-нах московской области в 1993 г. Ч. II / Архив ИА РАН. Р-1. № 17981.
- Сидоров В. В.*, 1995. Раскопки селища Колтово 7 (Каширский район) и стоянок Заболотского озера (Сергиев-Посадский район) в Московской области в 1995 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 20525.
- Сидоров В. В.*, 2001. Отчет о раскопках в Каширском р-не в 2001 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 25369.
- Сидоров В. В.*, 2002а. Отчет о раскопках Мутёнковского городища в 2002 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 27758.
- Сидоров В. В.*, 2002б. Археологические памятники окрестностей Каширы // Каширский край. Вып. I. Кашира: КKM. С. 22–47.
- Сидоров В. В.*, 2004. Мутёнковское городище // АП. М.: ИА РАН. С. 108–127.
- Сидоров В. В.*, 2005. Корыстовское городище // АП. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 10–25.
- Сидоров В. В.*, 2006а. «Колтово 7» – слобода города Колтеска // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 114–143.
- Сидоров В. В.*, 2006б. Колтово-7: комплекс эпохи бронзы // ТАС. Вып. 6. Т. I. Тверь: ТГОМ. С. 343–348.
- Сидоров В. В.*, 2006в. «Колтово-7» – стоянка мастерская // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 105–113.
- Сидоров В. В.*, 2006г. Мутёнковской городище. Четвертый сезон работы // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 67–83.
- Сидоров В. В.*, 2006д. Каширская культура в железном веке бассейна Оки // Обнинский краеведческий сб. Матер. историко-краеведческой конф. «Город и регион: проблемы археологии, истории и культуры». Обнинск: Музей истории г. Обнинска. С. 136–145.
- Сидоров В. В.*, 2006е. Каширская культура // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 8–12.
- Сидоров В. В.*, 2006ж. Городища железного века. Опыт раскопок и интерпретация // Каширский край. Вып. II. Кашира: КKM. С. 38–45.
- Сидоров В. В.*, 2011. Древнейшая история окрестностей Обнинска // Обнинский краеведческий сб. Матер. историко-краеведческой конференции. Обнинск: Музей истории г. Обнинска. С. 169–196.
- Сидоров В. В.*, 2012. Этногенез русского народа по археологическим источникам // Приобнинский край. Город и окрестности. История и современность. Обнинск. С. 6–35. (Тр. Обнинского краеведческого объединения «Репинка». Вып. 1. Ч. 2).
- Сидоров В. В., Лопатина О. А.*, 2003. Мутёнковское городище // АО 2002 года. М.: ИА РАН. С. 476–478.
- Сидоров В. В., Лопатина О. А.*, 2004. Раскопки Мутёнковского городища // АО 2003 года. М.: ИА РАН. С. 200–201.
- Сидоров В. В., Лопатина О. А.*, 2005. Каширская группа городищ // АО 2004 года. М.: ИА РАН. С. 218–220.
- Сидоров В. В., Смирнов К. А.*, 1999. О раскопках Старшего Каширского городища в 1997 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 22806.
- Сидоров В. В., Смирнов К. А.*, 1999. Зооморфная рукоять со старшего Каширского городища // РА. 1999. № 1. С. 165–166.
- Сидоров В. В., Шарова О. А.*, 1996. Древнейший Колтеск и его пригороды // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века

и раннее и новое время (XI–XVIII вв.). М.: ИРИ РАН. С. 133–136.

Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1991. Отчет второго отряда Подмосковной археологической экспедиции за 1991 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15975.

Сидоров В. В., Энговатова А. В., 1992. Отчет Подмосковной экспедиции в 1992 г. в Московской и Костромской области / Архив ИА РАН. Р-1. № 17772.

Смирнов К. А., 1980. Мутёнковское городище // КСИА. Вып. 162. С. 72–75.

Смирнов К. А., 1991. Роль В. А. Городцова в изучении культур эпохи раннего железа // Пробле-

мы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. С. 101–111.

Трусов А. В., 1990. Отчет о работе в Каширском, Ступинском, Зарайском р-нах Московской обл. и в районе г. Щербинка Московской обл. в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 15908.

Трусов А. В., 2011. Палеолит бассейна Оки. М.: Репроцентр-М. 312 с.

Энговатова А. В., Сидоров В. В., 2004. Подмосковная экспедиция в 1987–2002 гг. // 30 лет Отделу охранных раскопок. Тула: Гриф и К. С. 95–98. (Тр. Отдела охранных раскопок. Т. 2).

О. А. Lopatina, N. V. Zabigailo

Archeology of the Kashira region in the research of V. V. Sidorov

Summary

The article introduces the results of archaeological research V. V. Sidorov in the Kashirsky district of the Moscow region. It is dedicated to the 80th anniversary of the scientist. His fieldwork here covered archaeological sites of different epochs from the Paleolithic to the Middle Ages. However, the main place among them is occupied by ancient Kashirskoye and Muten-

kovskoye settlements of the Early Iron Age. Bright findings from these sites became the basis of the archaeological exhibition of the Kashira Museum. Scientific articles of V. V. Sidorov has a wide research range, contains original hypotheses, reconstructs the processes of cultural interactions in antiquity.

List of figures

Fig. 1. Finds from the Mutenkovsky settlement (Kashira Museum)

1, 2 – horn handles; *3–5* – weights of a deacovo type; *6* – horny psalies

Fig. 2. V. V. Sidorov at the excavations of the Mutenkovsky settlement in 2005

Е. А. Кашина*, А. В. Емельянов**

* Государственный исторический музей, Москва

** Музей Подолье, Подольский р-н Московской обл

Костяные подвески и нашивки в виде птиц в финале каменного века лесной зоны Центральной России

Введение

В 1968 г. В. В. Сидоров в ходе разведок в бассейне р. Пра выявил поселение Великодворье I у д. Великодворье Шатурского р-на Московской обл. (Сидоров, 1968). В результате планомерных раскопок этого поселения в 2000–2008 гг. Неолитической экспедицией ГИМ под руководством А. В. Емельянова получены обширные и яркие материалы волосовской культуры (Емельянов, 2002; 2003; 2004; 2009; Емельянов, Кашина, 2005; 2007; Емельянов, Глазунова, 2010), в числе которых костяные подвески и нашивки в виде птиц (Кашина, Емельянов, 2003). Благодаря выверенной методике и тщательной фиксации находок в процессе этих раскопок получены важные данные о контексте залегания скульптур птиц, во многом определившие направление наших поисков в области функционально-смысловой интерпретации этих предметов искусства. И мы сердечно благодарим Владимира Владимировича Сидорова за проделанную им работу.

Костяные подвески и нашивки в виде птиц являются характерными, хотя и довольно редкими предметами для материальной культуры волосовской общности Волго-Окского междуречья и прилегающих территорий (Тверская, Ивановская, Московская, Рязанская, Нижегородская области, Республики Мордовия и Татарстан). На данный момент их известно 89 экземпляров. Поскольку абсолютная хронология волосовских древностей разработана недостаточно, можно наметить лишь приблизительный отрезок бытования этих предметов искусства малых форм: между 3500 и 2700 гг. до н. э. Целый ряд изученных на территории Волго-Окского междуречья волосовских поселений обладает признаками, указывающими на осед-

лый образ жизни охотников, собирателей, рыболовов. Это огромные археологические коллекции, содержащие фрагменты керамики, каменные и костяные орудия, обширные коллекции фаунистических останков, а также наличие остатков больших по площади полуземлянок, рассматриваемых как зимние жилища или как круглогодичные (Крайнов, 1987). При этом вопрос о круглогодичном обитании сообществ охотников, собирателей, рыболовов лесной зоны на одних и тех же местах в настоящий момент ставится под сомнение некоторыми исследователями (Piezonka, in prep.).

Костяные подвески и нашивки в виде птиц являются не единственной группой в составе волосовского искусства малых форм, но, пожалуй, одной из самых многочисленных (дискуссию о принадлежности кремневой скульптуры к волосовским древностям см.: Кашина, 2013). Из 89 экземпляров 82 происходят из культурных отложений поселений, 5 – из погребений, 2 являются случайными находками (рис. 1). Несмотря на обращение к этим материалам в нескольких публикациях (Кашина, Емельянов, 2003; Жульников, Кашина, 2010), мы считаем необходимым вернуться к их анализу по нескольким причинам. Прежде всего, за прошедшие годы число предметов несколько возросло, появились новые данные по контексту находок (раскопки поселения Великодворье I), а также привлечены и проанализированы заново некоторые архивные материалы по остеологии волосовских памятников бассейна Оки.

Далее мы рассмотрим морфологические особенности скульптурных подвесок и нашивок в виде птиц в рамках типологии, технологию их изготовления, представим анализ археологических контекстов, связанных с этими предметами,

Рис. 1. Карта поселений с находками скульптурных подвесок и нашивок в виде птиц

затем обратимся к изучению их функционально-го и смыслового значения с привлечением данных палеозоологических (остеологических) исследований и, наконец, изложим выводы об их месте и значении в культуре оседлых охотников и рыболовов Центральной России в целом.

Морфология предметов

Имеется два вида изображений птиц: полнофигурные и парциальные, то есть частичные (рис. 2). Полнофигурные скульптуры изображают фигуру птицы целиком: голову, шею, туловище, а также ноги и хвост в виде небольших выступов. В случае отсутствия ног птица, видимо, изображена плывущей. Как правило, эти скульптуры уплощенные и довольно тонкие и имеют одно или несколько круглых сверленных отверстий для крепления (нашивания). Максимальная длина подавляющего большинства скульптур обычно не превышает 5–6 см, самая крупная из найденных – 8,4 см длиной. Парциальные скульптуры изображают только голову птицы с шеей, представляющими собой прямой стержень с приспособлением для крепления на конце. Длина большинства целых парциальных скульптур близка к 5,5 см, самая крупная скульптура была 13,5 см длиной.

Все полнофигурные скульптуры изображают фигуру птицы в виде силуэта и не имеют никаких дополнительных резных или гравированных деталей, за очень редким исключением. Напротив, парциальные скульптуры всегда имеют глаза, показанные сверленными ямками, и гравированную линию рта. Также у них иногда неглубокими сверлинами показаны ноздри и некоторые дополнительные детали клюва. Всего к полнофигурным относится 21 предмет, а к парциальным – 68. Последние, очевидно, составляют большинство всей коллекции. Девять предметов из общего количества следует считать незаконченными (рис. 3, 1, 3, 5).

Технология изготовления

Изучение технологической последовательности изготовления скульптур проводилось нами на основании непосредственного визуального исследования предметов (Кашина, Емельянов, 2003). Сами по себе эти изделия не позволяют проследить весь процесс их производства, давая информацию лишь о его заключительных этапах. Они обработаны по всей поверхности, что затрудняет точное определение сырья. Согласно фаунистическим определениям, проведенным И. В. Кирилловой (1996) на волосов-

Рис. 2. Полнофигурные (1, 2) и парциальные (3, 4) изображения птиц
1 – оз. Шагара; 2, 3 – Великодворье I; 4 – Шагара II

ских материалах бассейна Оки, исходным материалом служили расщепленные длинные кости и ребра крупных млекопитающих, в основном лося, но также могли использоваться кости медведя или кабана. Для оформления внешнего вида использовался прием шлифовки абразивными плитками. Об этом говорят мелкие параллельные царапины, прослеженные на многих предметах. Затем при помощи кремневого сверла высверливались глазные ямки и отверстие для крепления на конце стержня (у парциальных) или двусторонние отверстия на туловище птицы для крепления (у полнофигурных), а с помощью кремневого ножа или резца у парциальных изображений вырезались детали клюва и/или элементы крепления на конце стержня. Элементы крепления были разной формы: канавка, отверстие, утолщение, парные насечки на уплощенном стержне. Детали клюва в виде ряда поперечных коротких насечек на линии рта, зафиксированные всего у нескольких скульптур, очевидно, отражают манеру изображения особого строения клюва определенных пород птиц, например крохали. Наконец, поверхность изделия по-

лировалась, вероятно, с помощью тонких абразивов, кожи млекопитающих или рыб. Подавляющее большинство скульптур были полностью законченными изделиями. В целом анализ следов изготовления на предметах указывает на ряд одинаковых приемов обработки кости в строго определенной последовательности. Соблюдение зеркальной симметрии и отсутствие ошибок говорят о высоком уровне косторезного искусства. Однако два парциальных изображения формально нельзя отнести ни к законченным изделиям, ни к заготовкам: первое не отшлифовано, но имеет сверленные глаза, второе отполировано, но не имеет глаз и выделенного приспособления для крепления (рис. 3, 2, 4). Наличие лоска, интенсивной полировки, хорошо заметной невооруженным глазом на поверхностях большинства скульптур, указывает на длительное использование (ношение) подвесок и нашивок. У трех парциальных скульптур сохранились следы красной охры, затертой в глазницы (рис. 4, б), поэтому не исключено, что все парциальные скульптуры декорировались подобным образом, хотя прямых доказательств этому нет.

Рис. 3. Незаконченные изделия

1 – Волосово; 2 – Николо-Перевоз II; 3 – Великодворье I; 4 – Шагара II; 5 – Черная Гора

Аналоги из соседних регионов и датировка

Сам по себе образ птицы был, очевидно, самым распространенным среди остальных зооморфных скульптур в искусстве малых форм лесной зоны Восточной Европы, на территории России, Белоруссии и стран Балтии в IV и кое-где в III тысячелетии до н.э. Благодаря равнинному ландшафту и обилию водоемов древнее население лесной зоны постоянно контактировало между собой на всей Восточно-Европейской равнине еще с эпохи мезолита. Полнофигурные скульптурные нашивки в виде птиц известны на поселениях Латвии (оз. Буртниекс и Лубанс), Эстонии (оз. Тамула и устье р. Нарвы), Белоруссии (Кривинский торфяник), Смоленской (пос. Сертея II), Архангельской (Веретье) и Вологодской (Каравайха IV) областей (Жульников, Кашина, 2010). Из 21 находки 6 происходят из погребений (могильники Тамула и Звейниеки) (Фосс, 1952; Jaanits, 1961; Loze, 1983; Kriiska et al., 2007; Мазуркевич и др., 2016; Косорукова и др., 2016; Tõrv et al., 2017).

Судя по результатам изучения антропоморфных глиняных скульптур круга культур гребенчатоямочной керамики IV тысячелетия до н.э. на территории Русского Севера, стран Балтии и Финляндии, культурные контакты между сообществами, выраженные в первую очередь в брачных связях, достигали в длину 700 км по прямой. Будучи, скорее всего, продуктами женского производства, глиняные скульптуры создавались из подручного сырья, но в своих формах и декоре полностью копировали образцы, усвоенные мастерницей с детства или юности по месту рождения (Кашина, 2012). Таким об-

разом, существовавшая сеть контактов в несколько сотен километров длиной могла играть определенную роль и в распространении традиции изготовления резных скульптурных подвесок-нашивок в виде птиц. Была ли реальная связь между этими скульптурами из регионов стран Балтии и Волго-Окского междуречья или они возникли и существовали независимо – достаточно сложный вопрос.

Есть аргументы как за, так и против. Расстояние по прямой между такими поселениями, как, например, Тамула (Эстония), Риннюкалнс (Латвия), с одной стороны, и Сахтышские стоянки (Ивановская обл.) – с другой, составляет около 1000 км по прямой. И те, и другие находки датируются более-менее одинаковым периодом, около середины IV тысячелетия до н.э., согласно имеющимся сериям радиоуглеродных дат (Bērziņš et al., 2014; Костылева, Уткин, 2010). Однако между этими территориями находится Валдайская возвышенность, где в культурных отложениях вообще не сохраняются никакие органические материалы, поэтому мы не знаем, какие скульптуры птиц (если они там были) могли быть в этой зоне. Наконец, костяные нашивки в виде птиц из Эстонии и Латвии очень сходны между собой. То же самое можно сказать о нашивках из Белоруссии и Смоленской обл.: это взаимное сходство явно обусловлено межобщинными связями внутри микрорегионов, ограниченных определенными бассейнами рек. При этом в самих силуэтах скульптур стран Балтии, Белоруссии и Сертеи, Волго-Очья мы не находим сильного сходства; это явно были три отдельные изобразительные традиции подвесок и нашивок. Парциальные скульптуры вообще не известны нигде за пределами бассейнов Оки и Волги.

Рис. 4. Виды птиц

1 – глухарь *m*; 2 – глухарь *f*; 3 – утка; 4 – цапля; 5 – крохаль; 6 – журавль; 7 – рябчик; 8 – куропатка; 9 – лебедь.
1, 6 – Шагара II; 2 – Вешняк; 3 – Волосово; 4, 8 – Черная Гора; 5, 9 – Маслово Болото IV; 7 – Маслово Болото

Опираясь на имеющийся к настоящему моменту комплекс радиоуглеродных дат культурных отложений поселений, а также антропологических материалов из ряда погребений, представляется вероятным, что полнофигурные подвески-нашивки существовали в разных регионах в течение нескольких различных хронологических периодов (Каверзнева, 1992; Kriiska et al., 2007; Чужевский, 2008; Костылева, Уткин, 2010; Bērzinš et al., 2014; Мазуркевич и др., 2016; Чернявский, 2016; неопубликованные данные авторов этой статьи).

1. Могильники Тамула I (Эстония) и Мурзиха II (Татарстан): 4600–3700 гг. до н. э. (соответственно, AMS даты и традиционные даты по кости челове-

ка, костяные подвески и нашивки в виде птиц найдены в этих погребениях).

2. Поселение Риннюкалнс (Латвия): 3600–3300 гг. до н. э. (надежная серия дат).

3. Сахтышские стоянки (Ивановская обл.): 3500–2500 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

4. Поселение Великодворье I (Московская обл.): 3300–2500 гг. до н. э. (традиционный ^{14}C по углю из очагов, находки скульптур птиц в тех же котлованах жилищ, где находились очаги).

5. Погребение 18 Шагарского могильника (Рязанская обл.): 3700–3500 гг. до н. э. (традиционный ^{14}C по кости человека; две парциальные подвески были найдены в этом погребении).

6. Поселение Кривина I (Белоруссия): 3000–2300 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

7. Сертея II (Смоленская обл.): 2500–2000 гг. до н. э. (даты разного характера, из которых ни одна не связана по контексту со скульптурами).

Несомненно, в Центральной России полнофигурные и парциальные резные скульптурные подвески и нашивки в виде птиц существовали параллельно и синхронно. Доказательство этому – не только их находки на одних и тех же памятниках, но и находки в пределах одного жилища, например на поселении Великодворье I (жилище 1). К сожалению, для волосовских поселений бассейна Оки не проводилось пока ни одного датирования образцов методом AMS, а имеющиеся серии традиционных дат ^{14}C , сделанные по углю и костям человека, очень невелики и имеются далеко не для всех памятников. Поэтому пока невозможно создать более точную хронологическую шкалу для всех этих скульптур птиц, и, вероятно, это еще долго останется невозможным из-за присутствия калибровочного плато: все абсолютные калиброванные даты второй половины IV тыс. до н. э. так или иначе имеют погрешность в 300 лет (Кулькова, 2007), и именно этот временной отрезок представляется наиболее вероятным этапом массового бытования костяных подвесок и нашивок в виде птиц.

Виды птиц в скульптуре и остеология поселений

Полнофигурные скульптуры птиц, выполненные в достаточно стилизованной, силуэтной манере, крайне редко дают возможность определить изображенную особь. Исключением является, пожалуй, лишь одна незаконченная скульптура из Великодворья I, изображающая глухаря (рис. 3, 3). Парциальные скульптуры, напротив, часто позволяют определить изображенные виды птиц. Исходя из реалистичной манеры передачи зооморфных образов в волосовском искусстве малых форм, соотношение пропорций деталей птичьей головы и наличие характерных видовых особенностей дают возможность определить изображенные виды птиц.

Благодаря любезной помощи орнитолога, кандидата биологических наук И. В. Фадеева (Государственный Дарвиновский музей, Москва) удалось установить, что изображены разные по местам обитания виды птиц: водоплавающие (утки, лебедь (гусь?), крохаль), околводные (журавль, цапля, кулик) и лесные (глухарь, куропатка, рябчик) (рис. 4). Среди большинства парциальных скульптур удалось выявить следующие виды: глу-

харь (*Tetrao urogallis*) – 40 экземпляров; утки (*Anatidae*) – 8; цапля (*Ardea cinerea*) – 5; крохаль (*Mergus merganser*) – 4; журавль (*Grus grus*) – 2; рябчик (*Tetrastes bonasia*) – 2; лебедь (*Cygnus cygnus*) и куропатка (*Perdicinae*) – по одному экземпляру. Самый многочисленный изображенный вид – это глухарь, что представляется чрезвычайно важным для реконструкции функции и смыслового значения подвесок и нашивок в виде птиц.

Теперь обратимся к анализу и интерпретации остеологических данных. Мы изучили архивные данные, связанные с ныне утраченными фаунистическими коллекциями с поселений Черная Гора и Владычинская-Береговая I (Владычино), а также неопубликованные данные по изучению части остеологической коллекции с поселения Шагара II из раскопок 1992–1995 гг. (Рязанская обл.). Все эти памятники расположены в Озерной Мещере; все они имели в своем составе кости птиц, демонстрирующие широкий спектр охотничьей добычи воловского населения.

Среди фаунистических материалов стоянки Черная Гора (раскопки начала 1970-х гг. под руководством И. К. Цветковой, определения остеолога Е. Г. Андреевой) среди 193 птичьих костей 84 принадлежали крякве (*Anas platyrhynchos*), и это были в основном плечевые кости (*humerus*). Остальные принадлежали следующим породам птиц: водоплавающие – хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*), чирок-свистун (*Anas crecca*), гусь (*Anser*), лебедь (*Cygnus*); хищные – баклан (*Phalacrocorax*), степной орел (*Aquila nipalensis*), ястреб-тетеревятник (*Accipiter gentilis*); лесные – тетерев (*Lyrurus tetrix*), рябчик (*Tetrastes bonasia*). К сожалению, никаких статистических данных в источнике не приведено (Андреева, 1974а).

На поселении Владычинская-Береговая I (Владычино), расположенном поблизости от Черной Горы, на противоположном берегу р. Пра (также раскопки И. К. Цветковой 1974 г. и определения костей Е. Г. Андреевой), 39 из 1260 определимых костей принадлежали птицам (Андреева, 1974б). Пропорциональное соотношение и состав видов практически совпадают с данными по Черной Горе, к тому же приведен подсчет костей по видам, однако отсутствуют какие-либо данные по названиям костей: кряква (*Anas platyrhynchos*) – 20 штук, хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*) – 4, чирок-свистун (*Anas crecca*) – 4, гусь (*Anser anser*) – 3, лебедь (*Cygnus cygnus*) – 1, хищники (*Accipitrinae* или *Milvinae*) – 1; лесные виды: глухарь или тетерев (*Tetrao urogallus* или *Lyrurus tetrix*) – 6.

С одной стороны, такое сходство распределения птичьих костей на этих соседних стоянках ука-

зывает на вероятное использование общих охотничьих угодий, но у нас нет данных об особенностях заселения обоих памятников, и мы не можем быть уверены в их более-менее одновременном существовании. Возможно, это было одно общество, которое однажды просто переселилось за реку. С другой стороны, сходство видового распределения костей может указывать на избирательность при охоте на птиц.

На поселении Шагара II (раскопки 1990-х под руководством Е. Д. Каверзневой и А. В. Емельянова), относящимся к той же озерной системе, что и предыдущие памятники, остеологические материалы определил орнитолог кандидат биологических наук А. А. Карху (Палеонтологический институт, Москва). Для 137 костей птиц выявлен 21 вид, и приведены некоторые статистические данные. Почти половина костей (46,5%) принадлежала крякве (*Anas platyrhynchos*), причем отмечено, что в основном представлены плечевые кости, как и в коллекции Черной Горы. Другие виды встречаются гораздо реже. Глухарь (*Tetrao urogallis*) занимал второе место (10,1%), остальные 19 видов представлены единичными костями, это гагара (*Gavia arctica*), аист (*Ciconia nigra*), водоплавающие семейства утиных (лебедь, гусь, различные виды уток – *Anatidae*), лысуха (*Fulica atra*), журавль (*Grus grus*); лесные виды: тетерев (*Lururus tetrix*), куропатка (*Tetrastes bonasia*); хищные птицы: орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), филин (*Bubo bubo*), длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) (неопубликованные данные, переданы А. А. Карху и А. В. Емельянову 1.12.1998).

Архивные данные можно сравнить с опубликованными материалами по определению видов и количественному соотношению костей птиц из раскопок поселения Языково I на Верхней Волге (оз. Скробез, р. Яхрома, Тверская обл.) (Карху, 1992). Там В. В. Сидорову удалось разделить материал на волосовский и более ранний, льяловский, поэтому мы остановимся на выводах А. А. Карху по костям птиц из волосовского слоя: среди 470 определимых костей существенно преобладали кости уток восьми различных видов (456 шт.). Среди них, в свою очередь, преобладали кости кряквы (*Anas platyrhynchos*) – 199 штук. Внутри коллекции костей каждого вида уток, как правило, преобладали плечевые кости (*humerus*). Единичными костями представлены следующие виды: большой крохаль (*Mergus merganser*), скопа (*Pandion haliaetus*), глухарь (*Tetrao urogallis*), журавль (*Grus grus*), вальдшнеп (*Scolopax rusticola*), болотная сова (*Asio*

flammeus) и бородатая неясыть (*Strix nebulosa*) (Карху, 1992. С. 130).

Согласно всем этим данным, можно полагать, что все виды птиц, изображаемые в подвесках и нашивках, были желанной охотничьей добычей для волосовского населения. Утки, особенно кряквы, явно преобладали в добыче, а кости плеча (*humerus*) и предплечья (*antebrachium*) использовались в качестве заготовок для различных орудий, прежде всего так называемых костей с кольцевыми канавками для подготовки сухожильных нитей, а также шильев и проколов. Эти орудия распространены на любом волосовском памятнике, где сохранялась кость. Довольно редкими находками являются пронизки из тонких птичьих костей, так называемые игольники и флейты (цилиндрические изделия из крупных полых костей птиц) (Андреева, 1974а; Цветкова, 1970). Преобладание плечевых костей в остеологических коллекциях связано с их лучшей сохранностью по сравнению с другими костями птичьего скелета, и не случайно их использование в качестве орудий и заготовок: прочность играла важную роль.

Если кости уток преобладают на поселениях, то образ глухаря преобладает в скульптурных подвесках-нашивках: прямой корреляции не прослеживается ни на одном из памятников. Образ утки, как и образы лебедя (гуся?), крохали, журавля, цапли, куропатки, рябчика, встречаются в серии скульптур довольно редко, некоторые виды фактически единичны. Тот же перечень видов, за исключением кряквы, представлен на всех четырех памятниках малым количеством костных остатков.

Функциональное и смысловое значение скульптурных подвесок и нашивок

Без сомнения, все костяные скульптурные изображения птиц подвешивались или нашивались на одежду: на это указывает присутствие элементов крепления различной формы у парциальных подвесок и круглых отверстий – у полнофигурных. Скульптурные подвески-нашивки могли носиться вместе с другими видами украшений, например, подвесками из зубов млекопитающих. В могильнике Тамула (Эстония) в погребении XIX, где был захоронен молодой человек, возле шеи найдены две полнофигурные подвески-нашивки в виде лебедя (гуся?) совместно с набором подвесок из зубов млекопитающих и пронизками из тонких птичьих костей (Kriiska et al., 2007. P. 99). В коллективном погребении 18 Шагарского могильника (Рязанская обл.) между тазовыми костями двух погребенных были сложены две парциальные

подвески, изображающие цаплю и утку (?), в сопровождении набора из десяти подвесок из зубов кабана (*Каверзнева, Кашина, 2015*). Парциальная скульптурная подвеска в виде глухаря была найдена на стоянке Сахтыш I в погребении 10 (Ивановская обл.) взрослого индивида около правой кисти, которая, возможно, была прикреплена к поясу (*Костылева, Уткин, 2010. С. 13*). Наконец, еще одна такая же подвеска найдена на стоянке Сахтыш II в составе так называемого ритуального клада 10, одного из объектов, расположенных поблизости от волосовских погребений, в сильно обожженном состоянии (*Костылева, Уткин, 2010. С. 96*).

Двадцать семь предметов, как полнофигурных, так и парциальных, имеют сломы или повреждения, однако нельзя сказать, произошло это намеренно или случайно, в результате залегания в слое. Погребальные контексты Тамулы и Шагарского могильника скорее указывают на преднамеренное повреждение скульптур (Тамула – отломаны птичьей головы, Шагарский могильник – отломан стержень у скульптуры цапли). С другой стороны, подвеска в виде глухаря из погребения на Сахтыше I имеет дополнительное отверстие на стержне, высверленное чуть выше взамен сломанного (*Костылева, Уткин, 2010. С. 13*). Некоторые находки с поселений также имеют следы различного ремонта элемента крепления, что вместе с наличием участков сильной залощенности указывает на стремление сохранять и носить эти предметы как можно дольше.

Значительное число этих находок позволяет предположить, что каждый член коллектива постоянно носил эти вещи на себе. При раскопках поселений Великодворье I и Шагара II, расположенных недалеко друг от друга в одной озерной системе, найдено 20 скульптурных подвесок и нашивок. При этом удалось довольно точно зафиксировать их планиграфическое расположение внутри котлованов жилищ и доказать, что большинство находилось в придонной части и поблизости от очагов (рис. 5). Присутствие красной охры в глазницах некоторых парциальных скульптур этой серии (рис. 4, б) заставляет вспомнить о ритуальном значении этой краски как символа жизни для всех доисторических обществ еще со времен верхнего палеолита. Видимо, скульптурные подвески в виде голов птиц воспринимались владельцами как живые существа и несли функцию оберегов (*Кашина, Емельянов, 2003*).

Согласно исследованиям, проведенным на материалах скульптурных подвесок и нашивок разного сюжета, выполненных из различных материалов (кость, янтарь, кремль), зооморфные изделия

такого рода могли воплощать тотемных предков сообщества или рода, поскольку существует немало этнографических свидетельств подобного почитания разных видов животных в качестве предков (*Кашина, 2012*). Кроме того, зооморфные подвески и нашивки разного сюжета образуют региональные концентрации, охватывающие территории бассейнов одной-двух крупных рек:

- на северо-востоке Латвии и в Эстонии (костяные нашивки в виде лебедя/гуся);
- в Эстонии, Латвии, Литве и на севере Белоруссии (костяные подвески в виде змеи);
- в Эстонии и Латвии (подвески из кости и янтаря в виде бобра);
- в Тверской и Ленинградской областях (кремневые подвески в виде змеи);
- в Московской, Владимирской и Нижегородской областях (кремневые подвески в виде рыбы);
- и наконец, на территории всего Волго-Окского междуречья – парциальные костяные подвески в виде разных пород птиц, среди которых явно преобладает глухарь.

Присутствие морфологически сходных подвесок и нашивок на разных поселениях указывает на наличие коллективов, живших на известном расстоянии друг от друга, но при этом осознававших свое родство и почитали одного предка.

Дискуссия

Присутствие изображений разных видов птиц в подвесках-нашивках, найденных в придонной части одного жилища, может свидетельствовать о совместном проживании в одном жилище представителей разных кланов/родов. Очевидно, это свидетельствует об экзогамных брачных связях. Исследование, проведенное Н. Ю. Петровой на материалах волосовской керамики из трех жилищ Великодворья I, показало, что орнаментация сосудов, являясь в целом сходной, обнаруживает различия при сравнении фрагментов, залегающих в нижних и верхних пластах культурных отложений котлована, что может указывать на приход в жилище извне мастерицы следующего поколения со своими орнаментальными традициями (*Петрова, 2010*).

Таким образом, подвески-нашивки могли играть роль не только амулетов, но и опознавательных знаков. Наиболее многочисленные парциальные подвески с изображением глухаря были широко рассеяны по поселениям Волго-Окского междуречья, поэтому можно предполагать, что данное родовое объединение было наиболее многочисленным. Скульптурные парциальные подвески, изображающие уток (рис. 4, з), довольно

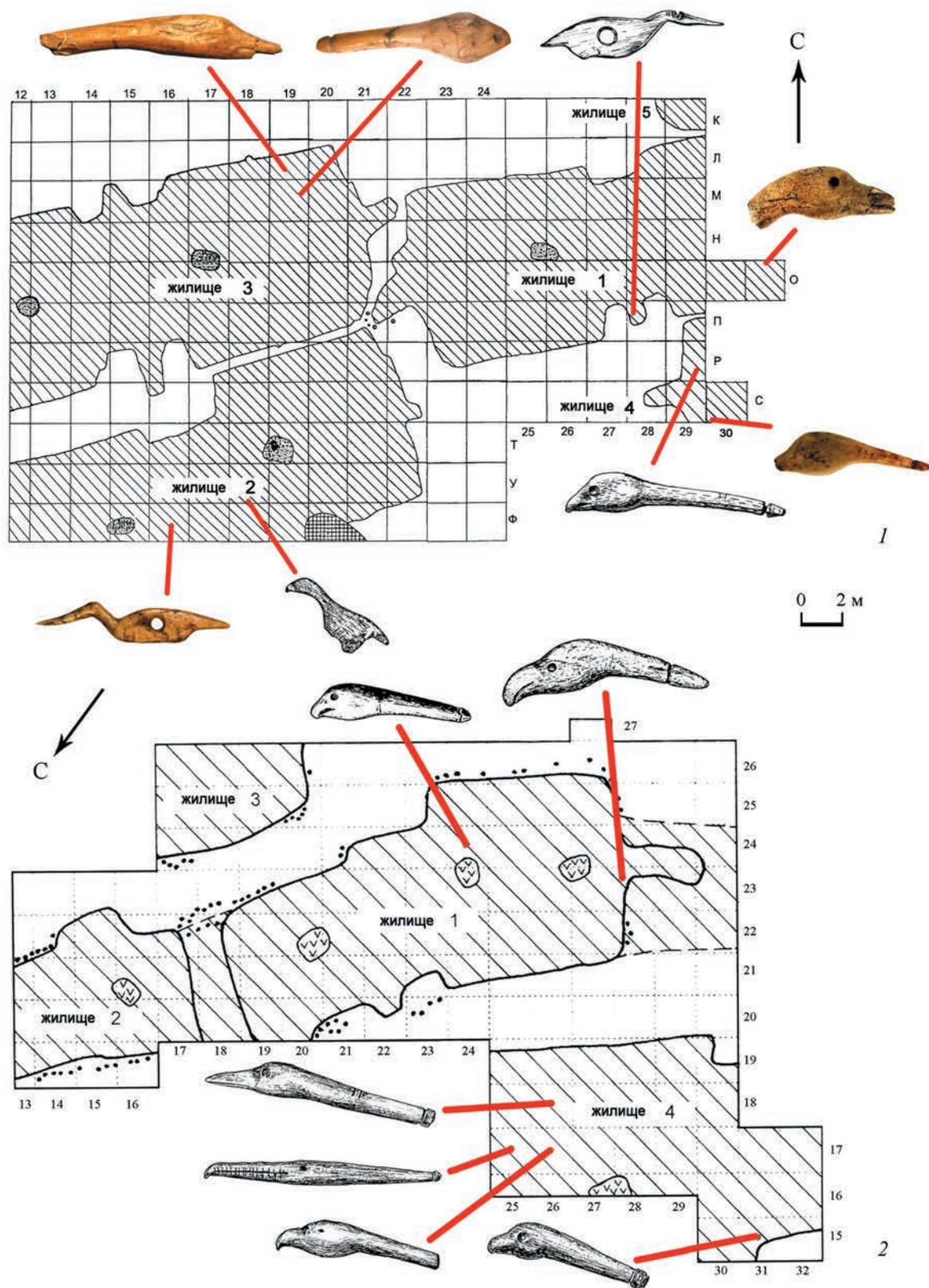

Рис. 5. Находки скульптур птиц в котлованах волосовских жилищ
 1 – Великодворье I; 2 – Шагара II

стилизованные, и распознать конкретный вид по ним невозможно. При этом они сконцентрированы на Средней и Нижней Оке и окских притоках; только два предмета известны севернее, на поселениях Сахтыш I и II на Верхней Волге, что может гипотетически означать присутствие тут пришлых индивидов (женского пола?) с юга.

Обилие костей уток и глухаря в фаунистических коллекциях волосовской культуры указывает на отсутствие пищевого табуирования этих птиц.

Существуют этнографические свидетельства тотемного почитания птиц в зоне сибирской тайги в XIX – середине XX в., более-менее соотносимые с реконструируемой нами волосовской моделью почитания птиц: в качестве тотемов фигурировали орел, ястреб, а также лебедь, врановые, совы и глухарь (Косарев, 1991).

Представляется, что выбор конкретного животного в качестве тотема мог быть обусловлен чертами его поведения, которые напоминают человеческие, и кажется, что глухарь в достаточной мере подходил для этого. Глухари не улетают на зиму – волосовцы ведут оседлый образ жизни, глухари прячутся под снегом – волосовцы строят полуземлянки, глухари едят ягоды, как люди, глухари танцуют и поют в брачный период – вероятно, в ритуалах волосовцев, почитающих глухаря в качестве предка, могли присутствовать действия и атрибуты, отображающие единство человека и глухаря, например, в костюме, раскраске лица, движениях танца, манере пения. У остальных сообществ, почитавших другие виды птиц, вероятно, происходило то же самое.

Заключение

Очень представительная группа предметов искусства малых форм из Центральной России (бассейны Волги и Оки), датируемая приблизительно серединой IV – началом III тысячелетия до н. э., отображает чрезвычайно яркий и интересный феномен духовной жизни оседлых охотников и рыболовов финального каменного века – вероятное почитание разных пород птиц в качестве предков. Птицы играли важную роль в мировоззрении волосовцев и несли важную семантическую нагрузку

как существа летающие, небесные во всех первобытных обществах мира (*Студзицкая*, 1994).

Примечательно, что места для поселений выбирались оседлыми охотниками, собирателями, рыбаками по принципу максимальной близости к разным типам мест обитания зверей, птиц и рыбы, охота на которых позволяла эффективно прокормить большой коллектив в течение всего года. Разные по местам обитания виды птиц изображены и на костяных подвесках, и нашивках волосовцев.

Волосовская культура, как она представлена в литературе (*Крайнов*, 1987), отнюдь не была гомогенной. При общем сходстве типов инвентаря, посуды, домостроительства, погребального обряда региональные различия существовали в рецептах формовочных масс, орнаментации, украшениях, формах кремневых, костяных, каменных орудий и т. д., что указывает на существование более мелких социальных объединений (племен, родов) внутри того конгломерата, который мы определяем как волосовская культура. Эти объединения и могли маркироваться различными тотемами-птицами. Конечно, спектр значений зоо- и антропоморфных образов в искусстве малых форм лесной зоны Восточно-Европейской равнины отнюдь не исчерпывался тотемными представлениями. Эти предметы могли быть связаны с календарными, гендерными, магическими, охотничьими понятиями (*Kashina, Zhulnikov*, 2011). Несомненно, мировоззрение и верования сообществ охотников, собирателей, рыболовов финала каменного века были очень сложными, и их изучение следует продолжать.

Благодарности

Мы благодарны орнитологу, кандидату биологических наук И. В. Фадееву (Государственный Дарвиновский музей, Москва) за помощь в определении видов птиц по скульптурным изображениям; орнитологу, кандидату биологических наук А. А. Карху (Палеонтологический институт, Москва) за определение видов птиц по остеологической коллекции с поселения Шагара II; а также С. В. Беловой сотруднице Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим» (г. Истра, Московская обл.) за консультации и помощь в работе.

Литература

Андреева Е. Г., 1974а. Фауна древней стоянки Черная Гора / ГИМ. Архив отдела археологических памятников, группа А. Папка 78. Дело 103.

Андреева Е. Г., 1974б. Научный отчет о животных Владыченской стоянки по костным остаткам из архео-

логических раскопок / ГИМ. Архив отдела археологических памятников, группа А. Папка 79. Дело 108.

Емельянов А. В., 2002. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2001 года. М: ИА РАН. С. 146.

- Емельянов А. В.*, 2003. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2002 года. М.: ИА РАН. С. 118.
- Емельянов А. В.*, 2004. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2003 года. М.: ИА РАН. С. 127.
- Емельянов А. В.*, 2009. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2006 года. М.: ИА РАН. С. 184.
- Емельянов А. В., Глазунова Е. В.*, 2010. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2007 года. М.: ИА РАН. С. 112.
- Емельянов А. В., Кашина Е. А.*, 2005. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2004 года. М.: ИА РАН. С. 129.
- Емельянов А. В., Кашина Е. А.*, 2007. Раскопки поселения Великодворье I // АО 2005 года. М.: ИА РАН. С. 139.
- Жульников А. М., Кашина Е. А.*, 2010. Образ птицы в искусстве неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. № 2. С. 5–17.
- Каверзнева Е. Д.*, 1992. Шагарский могильник III – начала II тыс. до н.э. в Центральной Мещере // РА. № 3. С. 147–159.
- Каверзнева Е. Д., Кашина Е. А.*, 2015. Скульптуры и кости птиц в ритуальной практике населения Северо-Востока Европы финала каменного – середины бронзового века // IV Северный археологический конгресс. Матер. Екатеринбург: УрО РАН. С. 240–243.
- Карху А. А.*, 1992. Птицы неолитической стоянки Языково I // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М.: ИА РАН. С. 129–134.
- Кашина Е. А.*, 2012. К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в лесной зоне Восточной Европы и Финляндии // Образы времени: из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой. М.: ГИМ. С. 35–41. (Тр. ГИМ. Вып. 189).
- Кашина Е. А.*, 2013. Кремневая антропоморфная скульптура: выработка подходов к территориально-хронологическому и культурному подразделению // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Матер. тематической науч. конф. СПб.: Скифия Принт. С. 168–171.
- Кашина Е. А., Емельянов А. В.*, 2003. Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Поверенный. С. 53–70.
- Кириллова И. В.*, 1996. Фауна поселения Шагара II // Тез. докл. Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М.: ГИМ. С. 100–101.
- Косарев М. Ф.*, 1991. Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М.: Наука. 302 с.
- Косорукова Н. В., Пищонка Х., Нестерова Л. А., Семенов А. А., Лебедева Л. М., Тербергер Т., Харц С.*, 2016. Радиоуглеродное датирование неолитических памятников в местности Караваиха в бассейне оз. Воже // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 410–424.
- Костылева Е. Л., Уткин А. В.*, 2010. Нео-энеолитические могильники верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус. 300 с.
- Крайнов Д. Н.*, 1987. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука. С. 10–27. (Археология СССР).
- Кулькова М. А.*, 2007. Климатические катастрофы в раннем и среднем голоцене и их влияние на доисторические сообщества // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Матер. конф. СПб.: Теза. С. 316–333.
- Мазуркевич А. Н., Зайцева Г. И., Кулькова М. А., Долбунова Е. В., Семенов А. А., Ришко С. А.*, 2016. Абсолютная хронология неолитических древностей Днепро-Двинского междуречья. VII–III тыс. до н.э. // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы. VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 317–355.
- Петрова Н. Ю.*, 2010. Орнаментация волосовской керамики как источник изучения истории населения // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 107–116.
- Сидоров В. В.*, 1968. Отчет о разведках в Московской обл. в 1968 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 3723.
- Студзицкая С. В.*, 1994. Особенности духовной культуры волосовских племен // Древности Оки. М.: ГИМ. С. 59–77. (Тр. ГИМ. Вып. 85).
- Цветкова И. К.*, 1970. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М.: ГИМ. С. 97–153. (Тр. ГИМ. Вып. 44).
- Фосс М. Е.*, 1952. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М.: АН СССР. 278 с. (МИА. № 29).
- Чернявский М. М.*, 2016. Новые даты с поселения Асавец II // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы. VII–III тыс. до н.э. Смоленск: Свиток. С. 310–316.
- Чижевский А. А.*, 2008. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 367–371.

Jaanits L., 1961. Jooni kiviaja uskumustest//E. Jansen (ed.) Religiooni ja ateismi ajaloost Eestis. Artiklite kogumik. Tallinn. P. 5–70.

Bērziņš V., Brinker U., Klein C., Lübke, H., Meadows J., Rudzīte M., Schmölke U., Stümpel H., Zagorska I., 2014. New research at Riņņukalns, a Neolithic freshwater shell midden in northern Latvia // *Antiquity*. 88. P. 715–732.

Kashina E., Zhulnikov A., 2011. Rods with elk's heads: symbol in ritual context // *Journal of Estonian Archaeology*. 15/1. P. 1–14.

Kriiska A., Lõugas L., Lõhmus M., Mannermaa K., Johanson K., 2007. New AMS dates from Estonian Stone Age burial sites // *Estonian Journal of Archaeology*. 11/2. P. 83–121.

Loze I., 1983. Akmens laikmeta māksla Austrumbaltijā. Rīga: Zinātne. 136 p.

Piezonka H., in prep. North of the Farmers. Mobility and sedentism among Stone Age hunter-gatherers from the Baltic to the Barents Sea // Mesolithic or Neolithic? Searching for the late hunter-gatherers / J. Orschiedt, C. Liebermann, H. Stäuble, W. Schier (eds.). Edition TOPOI. P. 1–13.

Tõrv M., Lübke, H., Meadows J., Zagorska I., Bērziņš V., 2017. Soul carriers to the afterlife? The context and meaning of the bird figurines from Riņņukalns. In: B. V. Eriksen et al. (eds.), Interaction without borders. Exemplary archaeological research at the beginning of the 21st century. 1. Schleswig. P. 49–61.

E. A. Kashina, A. V. Emelyanov

Bone pendants and stripes in the form of birds in the Stone Age Finale in the Forest zone of Central Russia

Summary

The article discusses one of the groups of small art objects – bone pendants in the form of birds, most of which belong to the Volosovo cultural and historical community of Central Russia (about 3500–2700 BC). Their morphology, manufacturing technology, functional use and semantic meaning are analyzed. The set of bird images is compared in the article with the data on osteological collections that contain bird bones, in the framework of the discussion about the existence of certain species preferences in the Volosovo population when hunting

birds and spiritual ideas about them. The capercaillie image definitely prevails in pendants and stripes, however duck bones (mallards) make up the majority in osteological collections. The semantic meaning of pendants and stripes in the form of birds was most likely associated with totemic beliefs. It is possible that certain groups of the Volga-Ochya population revered certain bird species as totemic ancestors. Based on this hypothesis, the capercaillie could be the totem of the most numerous tribal association in this territory.

List of figures

Fig. 1. Map of settlements with finds of sculptural pendants and appliques in the form of birds

Fig. 2. Full figure (1, 2) and partial (3, 4) images of birds

1 – Lake Shagara; 2, 3 – Velikodvorye I; 4 – Shagara II

Fig. 3. Unfinished products

1 – Volosovo; 2 – Nicolo-Perevoz II; 3 – Velikodvorye I; 4 – Shagara II; 5 – Chernaya Gora

Fig. 4. Bird species

1 – capercaillie *m*; 2 – capercaillie *f*; 3 – duck; 4 – heron; 5 – merganser; 6 – crane; 7 – grouse; 8 – partridge; 9 – swan.

1, 6 – Shagara II; 2 – Veshnyak; 3 – Volosovo; 4, 8 – Chernaya Gora; 5, 9 – Maslovo Boloto IV; 7 – Maslovo Boloto

Fig. 5. Finds of bird sculptures in the pits of Volosovo dwellings

1 – Velikodvorye I; 2 – Shagara II

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

Ивановский государственный университет, Иваново

Янтарные кольца из нео-энеолитических захоронений лесной зоны европейской части России: типология и хронология

Янтарные украшения как составная часть декора костюма получили широкое распространение в лесах Восточной Европы среди населения неолитических и энеолитических культур с пористой керамикой. Первым из русских археологов, оценивших и обративших на них внимание как на датирующие артефакты, был, кажется, А. Я. Брюсов (1951). Приоритет же в их изучении по сей день остается за восточноприбалтийскими коллегами. Сначала Р. Клебс (*Klebs*, 1882), а затем Л. В. Ванкина (1970) и И. А. Лозе (1979) на базе обширных коллекций, большинство которых происходит с относительно хорошо стратифицированных поселенческих памятников, разработали основы типологии и относительной хронологии янтарных украшений эпохи позднего неолита – бронзы.

На территории Европейской России, в отличие от стран Балтии, янтарь из культурных слоев представлен до сих пор крайне скудно. На этом фоне резким контрастом является его обилие в ряде волосовских могильников. Комплексы янтарных украшений из отдельных захоронений внушительны по количеству и разнообразны по составу, что позволяет, на наш взгляд, приступить к уточнению хронологии бытования отдельных типов изделий, определить ареал распространения и установить их место в системе костюмов погребенных.

В настоящей заметке мы рассматриваем только два типа украшений из янтаря, самых малочисленных и самых эффектных, – кольца и кольца с выступом.

Кольца

Они происходят с девяти могильников. По нашим подсчетам, в 24 погребениях и двух риту-

альныхкладах на начало XXI в. их найдено всего 55 штук, включая обломки (табл. 1). Точные формы 11 экземпляров нам остались неизвестны. Прочие в плане представляют практически правильный геометрический круг с высверленным точно по центру отверстием. В сечении кольца в основном линзовидные, реже – сегментовидные, иногда подтрапециевидные. Их максимальная толщина варьируется от 3 до 5 мм.

По длине внешнего диаметра кольца распадаются на три размерные группы: малые (1,5–3,0 см), средние (3–4,5 см) и крупные (4,5–6,5 см), а по внешнему облику – на массивные и ажурные (табл. 1). К массивным мы относим украшения с диаметром отверстия равным или меньше ширины дуги (рис. 1, 2), к ажурным, наоборот, изделия с диаметром отверстия, превышающим ширину дуги (рис. 1, 1).

Изредка кольца украшались незамысловатым декором, как правило, мелкими ритмичными насечками по внешнему краю, придавая ему некое подобие зубчатости. Порой насечки столь нечеткие, что с трудом различаются визуально (Тудозеро V: 5)¹ (*Иванищев*, 1996. Рис. 14, 1, 2, 5).

Практически все кольца дошли в сломанном или фрагментированном состоянии. Объясняется это двумя различными факторами, никак не связанными между собой. Большинство изделий оказалось разрушено механически непосредственно в могилах в более позднее время (проседанием грунта, корнями деревьев, грызунами и т. п.).

А серия колец (примерно 11 экз.), несмотря на относительную прочность янтаря как поделочного материала, была сломана еще в древности – как при изготовлении, так и в процессе

¹ Здесь и далее приводится название могильника, а через двоеточие арабской цифрой – номер погребения.

Таблица 1. Волосовские янтарные кольца и кольца с выступом.

Могильник	№ погр.	Малые		Средние		Крупные		Тип неизвестен	Всего
		ажурные	массивные	ажурные	массивные	ажурные	массивные		
<i>Кольца</i>									
Сахтыш II	15/I	–	–	–	–	–	2	–	2
Сахтыш IIА	4	–	–	–	–	2	–	–	2
	15	–	–	–	–	2	–	–	2
	17	–	–	–	–	–	1	–	1
Сахтыш VIII	5	–	–	–	–	1	–	–	1
	14	2	–	–	–	–	1	–	3
	25	–	–	–	–	4	–	–	4
	Клад II	–	–	–	–	1	–	–	1
Языково I	17	–	–	–	–	–	2	–	2
	25	–	–	–	–	1	–	–	1
	26	–	–	–	–	1	–	–	1
Иловец I	3	–	–	1	–	–	–	–	1
Тудозеро V	1	–	–	2	–	–	–	–	2
	2	–	–	1	1	–	–	–	2
	5	–	–	–	3	2	–	–	5
	6	–	–	–	1	–	1	–	2
	7	1	1	–	–	–	–	–	2
	8	–	–	–	1	–	–	–	1
	Клад	–	2	–	–	–	–	–	2
Репище	31	–	–	–	–	1	–	–	1
Кончанское	18	–	–	–	1	–	–	–	1
	37	–	–	–	–	–	–	6	6
	54А	–	–	–	–	–	–	4	4
	212	–	–	–	1	–	–	1	2
	232	–	–	–	–	1	–	2 (?)	3
Путкинская I	Погр. (?)	–	–	–	–	2	–	–	2
Всего	–	3	3	4	8	18	7	13	56
<i>Кольца с выступом</i>									
Сахтыш VIII	15	–	–	1	–	–	–	–	1
Языково I	16	–	–	1	–	–	–	–	1
Тудозеро V	5	–	–	1	–	–	–	–	1
Кончанское	1	–	–	–	–	–	–	1	1
	232	–	–	1	–	–	–	–	1
Всего		–	–	4	–	–	–	1	5

их ношения. Обычно они ломались на две части или на дуге образовывалась одиночная трещина. В связи с этим обломки «сшивались» через отверстия, попарно просверленные по краям разломов, и вновь использовались по прямому назначению. Подобные кольца найдены в захоронениях могильников Сахтыш II: 15/I; Сахтыш IIА: 4, 15, 17; Сахтыш VIII: 14, 25; Тудозеро V: 6; Иловец I: 3; Языково I: 25 (Костылёва, Уткин, 2000. Рис. 3, 4; 5,

9, 13; Крайнов, 1973. Рис. 4; Иванищев, 1996. С. 5. Рис. 14, 34; Урбан, 1973. Рис. 5, 5; Уткин, Костылёва, 2009; Сидоров, 1992. Рис. 25, 65). Порой кольца разваливались на столь мелкие куски, что ремонту не подлежали, и их ничтоже сумняшеся перedelывали в простые подвески серповидной формы (Сахтыш VIII: 14) (Крайнов, 1973. Рис. 4).

Во всех исследованных захоронениях кольца встречены исключительно в сочетании с другими

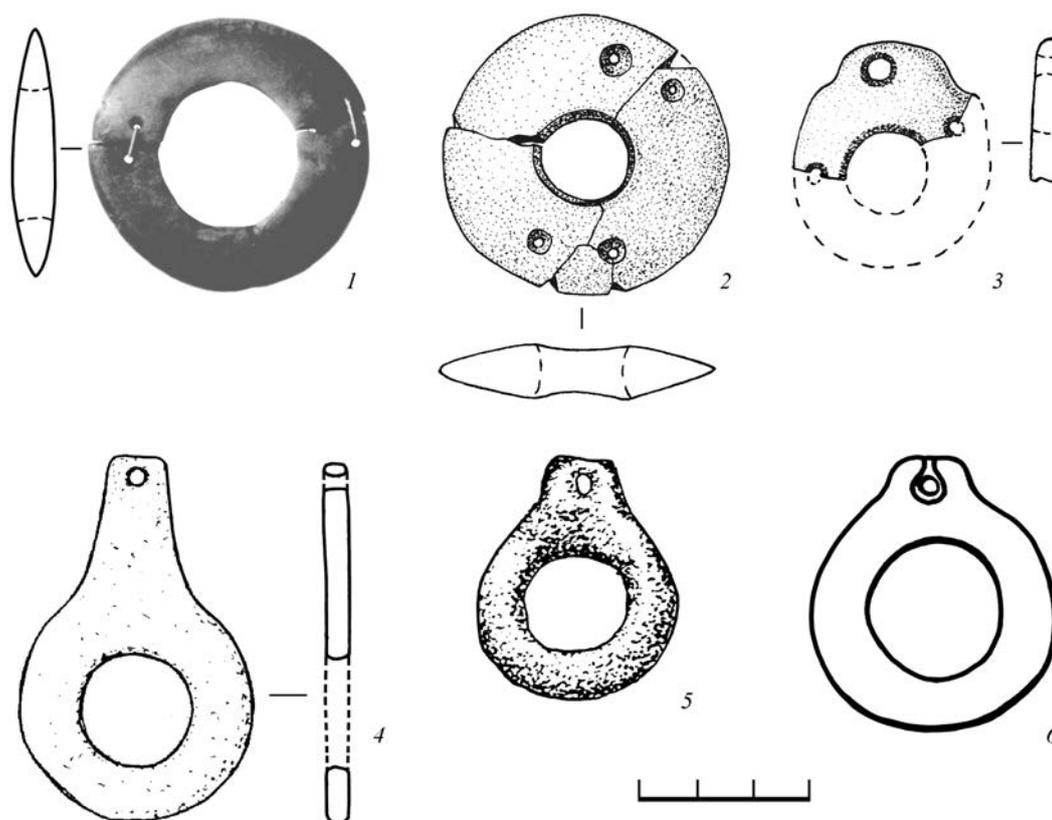

Рис. 1. Янтарные кольца и кольца с выступом

1 – Сахтыш-IIA, погр. № 15 (фото Л. М. Нескверновой); 2 – Сахтыш-VIII, погр. № 15; 3 – Сахтыш-VIII, погр. № 14 (рис. А. В. Уткина); 4 – Тудозеро-V, погр. № 5 (по: *Иванищев*, 1996. Рис. 14:6); 5 – Кончанское, погр. 232 (по: *Зими́на*, 1993. Рис. 59, 26); 6 – Языково-I, погр. № 16 (по: *Сидоров*, 1992. Рис. 25, 1)

типами янтарных украшений в составе погребального инвентаря (пуговицами, подвесками и пронизками). Лишь двух покойников помимо янтаря сопровождали еще и кремневые наконечники стрел: Кончанское: 37, 54А (*Зими́на*, 1993. С. 196, 200). Правда, не исключено, что они попали в могилы из культурного слоя поселения случайно при засыпке ям.

Количество колец в погребениях различно: от одного экземпляра до шести, но в основном это или одно, или два; соответственно восемь и десять случаев. К ним следует также добавить три находки в двух ритуальныхкладах: одно – на Сахтыше VIII и пара на Тудозере V (табл. 1).

Более-менее надежное расположение колец в системе декора одежды погребенных устанавливается только в тех могилах, где сохранились костяки, и предположительно в тех захоронениях, где скелетные останки истлели без остатка, но украшения лежали *in situ*. Так, у трех сахтышских волосовцев янтарные кольца входили в состав нагрудных украшений, причем они замыкали по концам гирлянды из пуговиц, пронизок или подвесок (Сах-

тыш IIA: 15; Сахтыш VIII: 5, 14) (*Костылёва, Уткин*, 2000. С. 177, 178. Рис. 3; *Крайнов*, 1973. С. 51). У одного кольца были нашиты на рубаху и на груди, и по краю подола (Сахтыш VIII: 25) (*Крайнов*, 1973. С. 53. Рис. 5), а у двух они украшали головной убор (Сахтыш II: 15/I; Сахтыш IIA: 4) (*Костылёва, Уткин*, 2000. С. 178. Рис. 5, 1, 9).

Аналогичное расположение колец в могилах без костяков зафиксировано примерно еще в 14 захоронениях: в девяти случаях они являлись элементами нагрудных нашивок (Тудозеро V: 1, 2, 5; Языково I: 17, 25; Кончанское: 1, 18, 54А, 232) (*Иванищев*, 1996. С. 3–5. Рис. 2, 5, 12; *Сидоров*, 1992. С. 75, 76. Рис. 24, 2, 4; *Зими́на*, 1993. С. 192–194, 200, 205), в четырех – головных (Тудозеро V: 6, 7; Кончанское: 212; Репище: 31) (*Иванищев*, 1996. С. 5. Рис. 16, 18; *Зими́на*, 1993. С. 205, 212, 213) и в одном – нагрудных и поясных (Кончанское: 37) (*Зими́на*, 1993. С. 196, 197). То есть кольца предназначались строго для определенных мест в системе украшения костюма и несли какую-то, неведомую нам, смысловую нагрузку.

Крепились они двояко. Основная масса пришивалась с двух сторон через дугу, иногда же они закреплялись на одежде по принципу подвесок – через просверленное на краю кольца небольшое отверстие (Кончанское: 1; Репище: 31) (Зими́на, 1993. С. 192; 2004. Рис. 2, 3).

Кольца с выступом²

Говорить о массовости этой категории не приходится. Их всего пять штук; найдены на четырех памятниках: по одному экземпляру на Сахтыше VIII, в Языкове I и на Тудозере V, два экземпляра расчищены в двух погребениях Кончанского могильника (см. табл. 1; рис. 1, 3–5).

Они отличаются от простых колец только тем, что на внешней стороне дуги имеют одиночный выступ с просверленным по плоскости фасада отверстием. Высота выступа – от 7 до 22 мм, толщина в среднем не превышает толщину кольца. Он расположен по отношению к дуге строго перпендикулярно, переход выступа в тело кольца в разной степени плавный. Геометрические параметры этих колец в целом одинаковы. Одинаковы также приемы их обработки и крепления на костюме. Четыре известных нам кольца с выступом относятся к одной размерной группе, они ажурные, средней величины (о пятом, с Кончанского, мы ничего не знаем).

Заключение

Временные рамки бытования колец основаны на хронологии волосовских погребальных древностей, определенной нами по совокупности следующих данных: стратиграфии отдельных захоронений, общей планиграфии того или иного могильника, радиоуглеродным датировкам костяков и по составу всех украшений в каждом конкретном погребении (Костылёва, Уткин, 2010).

Только в ранних могилах найдены простые ажурные кольца и все кольца с выступом. По абсолютным датам Сахтыша ПА это 4540±160–4800±200 л. н. (ГИН-6234, 7190 и 6237), то есть в интервале минимум 260 лет (Костылёва, Уткин, 2009).

Наоборот, массивные кольца сопровождают как ранние захоронения, так и финального периода развития волосовской культуры. Особен-

но это четко зафиксировано на кладбищах Тудозера V и Сахтыша II. Первые захоронения – порядные и, бесспорно, ранневолосовские, что доказывает обилием янтарных украшений, в частности, типами, которые обычны для этого времени (пронизками с утолщением в центре, крупными трапециевидными подвесками с вогнутым основанием) (Иванищев, 1996). Вторые – финальноволосовские (3820±40–4190±50 л. н.; Ле – 2617 и 2615). В одном одиночном захоронении (Сахтыш II: 7) на костях черепа зафиксирован медный окисел от какого-то предмета, украшавшего головной убор. Во втором, коллективном (Сахтыш II: 15), два массивных янтарных кольца были в составе украшений костюма в сочетании с шайбами, цилиндрическими и бочонковидными короткими бусинами-пронизками и кулоном.

Шайбы хорошо известны в поздних коллективных захоронениях могильника Звейниeki. Часть их нашивали на рубахи, а в погребении 206 они были расчищены на глазницах, то есть перед совершением погребения покойнику ими закрыли глаза (Zagorskis, 1987. Lpp. 47, 126. Tab. XIX, 10–11).

И. А. Лозе отмечала, что шайбы характерны для культуры шаровидных амфор Польши и прилегающих регионов, а также известны в Швеции на поселениях культуры боевых топоров (Лозе, 1979. С. 118).

Бочонковидные бусы украшали костюм костяка из верхнего яруса группового погребения 274–278 на могильнике Звейниeki, где они сопровождалась парой бронзовых колец (Zagorskis, 1987. Tab. XXX, 7–9, 31, 32).

Наконец, сахтышский кулон имеет прямые аналогии кулонам из могил Волосово-Даниловского фатьяновского некрополя в Ярославской обл. и культур шнуровой керамики эпохи бронзы в Центральной Европе (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 128. Табл. 55, 8–12; Krzak, 1961. S. 113. Rys. 110, e).

Другими словами, янтарные ажурные кольца и кольца с выступом являются надежными хронологическими реперами, и они в большинстве коллекций доминируют как ранние. Массивные кольца определяются как поздние только по синхронности с другими, надежно датированными типами украшений из янтаря.

² В литературе встречаются разные названия колец с выступом: «кольцо с ушком» (Сидоров, 1992. С. 76), «ключевидная подвеска» (Иванищев, 1996), «подвеска ключевидной формы» (Зими́на, 1993. С. 205). Однако необходимо заметить, что, по типологии И. А. Лозе, «ключеобразные подвески», имеющие несколько иной вид и иной характер сверлений (боковая перфорация, перфорация с верхней площадки и тыльной стороны выступа), соотносятся с культурами боевых топоров (Лозе, 1975. С. 57–59). Поэтому, чтобы избежать путаницы, как типологической, так и хронологической, мы предлагаем для рассматриваемого нами типа колец закрепить термин «кольцо с выступом».

Вообще же янтарь в качестве исходного материала на берегах Балтики массово начали использовать еще во времена бытования типичной гребенчатой керамики второго стиля в Финляндии. В этом плане показателен могильник Куккаркоски. Там в могилах (костики не сохранились) собрано много разнообразных украшений, но серийно представлены только некоторые: необработанные подвески из удлиненных кусков янтаря, подвески языковидной формы (как малые, так и крупные), кольца ажурные и массивные, а также сланцевые кольца (Torvinen, 1979; Костылёва, Уткин, 2006). В конце развития культу-

ры типичной гребенчатой керамики, очевидно, мелкие группы населения стали расползаться по соседям – в Прибалтику, где в неолитических слоях стоянки Звидзнакрогс была найдена языковидная подвеска; в лесную зону Европейской России, где на Луковом Озере III раскопана льяловская могила с опять-таки языковидной подвеской и сланцевым кольцом (Сидоров, 1990. С. 25). Не исключено, что «моду» на кольцевые украшения в центр Русской равнины занесли именно тогда, на закате льяловской культуры, и впоследствии, в волосовское время, она распространилась более широко.

Литература

- Брюсов А. Я., 1951. Свайное поселение Модлона и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20. С. 7–76.
- Ванкина Л. В., 1970. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне. 268 с.
- Зими́на М. П., 1993. Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. Т. 16. М. 268 с.
- Зими́на М. П., 2004. К вопросу о распространении янтаря на неолитических памятниках лесной полосы Европейской части России // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 322–330.
- Зими́на М. П., 2009. Янтарные украшения из могильников Кончанского и Репище // Зверь и человек: Древнее изобразительное творчество Евразии. СПб. С. 77–78, 260–262. (Тр. ГЭ. Т. XLIV).
- Иванищев А. М., 1996. Могильник на Тудозере // Изв. Вологодского общ-ва изуч. Северного края. Вып. V. Вологда. С. 3–28.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2000. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш-ПА // ТАС. Вып. 4. Тверь. Т. I. С. 175–184.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2006. Хронология и планировочная структура неолитического могильника Куккаркоски // ТАС. Вып. 6. Тверь. Т. I. С. 384–391.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2009. Радиоуглеродная хронология неолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». Иваново. Вып. 4. С. 28–37.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2010. Неолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС. 300 с.
- Крайнов Д. А., 1973. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука. С. 46–55.
- Крайнов Д. А. Гадзяцкая О. С., 1987. Фатьяновская культура: Ярославское Поволжье. М.: Наука. 144 с. (САИ. В1-22).
- Ло́зе И. А., 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне. 203 с.
- Сидоров В. В., 1990. Погребения льяловской культуры в Подмоскowie // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 4. Иваново. С. 28–31.
- Сидоров В. В., 1992. Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна: Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М. С. 4–112.
- Урбан Ю. Н., 1973. Поселение и могильник Иловец // КСИА. Вып. 137. С. 107–114.
- Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2009. Волосовский могильник на стоянке Иловец I в Тверском Поволжье: Структура и хронология // ТАС. Тверь. Вып. 7. С. 334–337.
- Klebs R., 1882. Der bernsteinschmuck der steinzeit von der baggerei bei Schwarzort und anderen lokalitäten Preussens aus den Sammlungen der Firma Stantien & Beckes und der physik.-ekonom Gesellschaft. Königsberg.
- Krzak Z., 1961. Materiały do zjawomości kultury Złockiej. Wrocław – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo PAN. 183 s.
- Loze I., 1975. Neolithic amber ornaments in the Eastern part of Latvia // Przeglądu Archeologicznego. T. XXIII. S. 49–82.
- Torvinen M., 1979. Liedon Kukkarokosken kivi-kautinen kalmisto // Suomi Muzeum-1978. S. 37–80.
- Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Zinātne. 132 lp.

A. V. Utkin, E. L. Kostyleva

Amber rings from Neo-Aeneolithic graves of the Forest zone of the European part of Russia: typology and chronology

Summary

In this article authors consider the amber rings and rings with ledge Volosovo culture of the epoch of Neo-Aeneolithic age. They were all costume jewelry of the dead is well known to archaeologists as *de visi* and publications.

They come from nine burial grounds of the forest zone of the European part of Russia. According to our calculations in 24 burials and two ritual hoards at the beginning of the 21st c.; they found the entire 61-piece, including fragments (table). The exact form of the 13 copies I have left are not known. Rings divided by the length of the outer diameter into three size groups: small (1,5–3,0 cm), medium

(3,0–4,5 cm) and large (4,5–6,5 cm), and in appearance – to the massive and thin (see table). To massive we refer those decorations that have a hole diameter equal to or less than the width of the arc, fishnet, on the contrary, those products in which the diameter of the hole exceeds the width of the arc.

In the process a comprehensive analysis of all data revealed that amber openwork rings and rings with ledge are reliable chronological repers, and they are in most collections dominate early. Massive rings are defined as late only by synchronicity and joint occurrence with firmly dated types of amber jewelry in concrete graves.

List of figures

Fig. 1. Amber rings and rings with ledge

1 – Sakhtysh IIA, burial No. 15 (foto L.M. Neskvernova); 2 – Sakhtysh VIII, burial No. 15; 3 – Sakhtysh VIII, burial No. 14 (drawing A.V. Utkin); 4 – Tudozero V burial No 5 (*Ivanishchev*, 1996. Fig. 14, 6); 5 – Konchanskoe, burial No 232 (*Zimina*, 1993 Fig. 59, 26); 6 – Iazykovo I, burial No 16 (*Sidorov*, 1992. Fig. 25, 1)